

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЫПУСК XXVI

**КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
22-24 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА**

**МОСКВА-ТАМБОВ-ТЮМЕНЬ
2016**

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2016 г., стр. 146

Издание подготовлено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-14007

Редакционная коллегия:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор серии);
Хвесько Т. В., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Виноградов В. А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
Новодранова В. Ф., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор;
Гольдберг В. Б., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор
Шарандиц А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь серии)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тюменский государственный университет, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Тюмень: Издательство рекламно-полиграфический центр «Айвекс», 2016. – 760.

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы Международной научной конференции. 22-24 сентября 2016 г. / отв. ред. вып. Т.В. Хвесько. – 2016. – 760 с.

ISBN 978-5-906603-09-8

В сборнике представлены современные направления изучения когнитивных технологий в теоретической и прикладной лингвистике, обсуждаются методологические проблемы когнитивной лингвистики, в частности, феномен человеческого сознания, его структуры и содержания, язык, его основные функции и категории в структурировании сознания, когнитивные техники трансфера знаний, взаимоотношение между реальным миром и способами его репрезентации в структурах знания. Рассматриваются понятия «образ мира», «языковое сознание», «языковая картина мира» с позиции отечественной психолингвистики, проблемы категоризации и лексикографической параметризации. Особое внимание уделяется экспериментальным основаниям когнитивных технологий моделирования языковых явлений, вопросам социокультурной когниции и концептуальным основаниям метадискурса.

Издание адресовано филологам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто интересуется проблемами когнитивной лингвистики.

УДК 40

ББК 80

ISBN 978-5-906603-09-8 (Вып. XXVI)

ISBN 978-5-89016-442-1

9 785906 603098

- © Коллектив авторов, 2016
- © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2016
- © ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2016
- © Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2016
- © Издательство рекламно-полиграфический центр «Айвекс», 2016

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

---

*В. З. Демьянков
(Москва, Россия)*

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНИКИ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ¹

Трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда речь о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, данных опосредованно. Тогда имеют дело с трансфером «от известного к неизвестному». Техники анализа обыденных значений у слов, используемых в научном и политическом дискурсе, позволяют выявить механизмы такого трансфера знаний.

Ключевые слова: небуквальное употребление языка, когнитивная лингвистика, трансфер знаний, лингвистическая политология.

1. Трансфер знаний как предмет когнитивного исследования

Понятие «трансфер» пришло в когнитивную науку сравнительно недавно. В переводоведении этот термин трансфер знака используется в значении «перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака в качестве элемента другой знаковой структуры». С помощью этого понятия описываются прямые и обходные маневры при переводе «трудных» выражений с одного языка на другой.

По переносу, трансфером знаний в широком смысле называют передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем, см. [Демьянков 2015]. Такие знания как бы переносятся из своей позиции в «информационной системе» человека в другую позицию – той же или другой системы.

В узком же смысле трансфер знаний – перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. Так, метафора – употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже. Это трансфер от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно.

В последнее столетие очень широко исследуются различные виды трансфера знаний, когда понятия той или иной социальной или гуманитарной науки анализируются в опоре на то, как об этих понятиях принято говорить в обыденной речи, которая, как предполагается, является донором. Этот подход к анализу политически нагруженных слов получил название лингвистической политологии. Классифицируя различные контексты употребления слов и/или конструкций, делают выводы о том, каковы обслуживаемые «политические культуры».

---

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Продолжая такой анализ, начатый в работе [Демьянков 2015], рассмотрим еще два примера, демонстрирующие пути, которыми «обыденное» значение слова не только прокрадывается в интерпретацию политически значимого понятия, но и привносит оценочность в семантику слова.

2. Черные листовки и черные мысли

В средствах массовой информации недавно прозвучали сообщения о «черных» листовках, призывающих к свержению власти. При этом имеется в виду, что авторы листовок этих неизвестны или что эти листовки созданы незаконно. В этой связи рассмотрим семантику черного цвета в рамках контрастивной лингвистической политологии.

Вообще говоря, черный цвет одежды в общественной жизни обладает связью с торжественностью. Так, известно, что фраки в XIX в. могли быть самых разных цветов, однако в торжественных случаях уместен (в XIX-XX вв. исключительно, а сегодня – как правило) черный фрак.

Откуда же ассоциация черного с мрачным, даже со злым, существующая не только в русской культуре, но и в европейской, и даже в неевропейских культурах? Ведь изначально у этого эпитета не было такого негативного значения.

Черный цвет исходно был цветом обыденности, невыведенности. Отсюда *черный монах* – рядовой, не выслужившийся еще член братства; слово *чернь* первоначально также не имело такого оттенка «злого» – скорее значение «рядовой». *Очернить* кого-либо в переносном смысле значило первоначально, по-видимому, «сделать обыденным, ничем не выделяющимся». Затем – «свести с пьедестала, лишить высокого статуса» (ср. в речи уголовников опустить). Затем же, по инерции («ухудшения»), черный начинает означать «плохой» и даже «злонамеренный», а не просто «посредственный». Напр., *черный* по-русски издавна служит в качестве эвфемистической замены для слова *черт*. Так, *черное слово* – это выражение, в котором поминается черт, см. [Фасмер 1987]. А место «черноты» в этом смысле сегодня занял серый цвет – ср. *серость* в значении «посредственность».

Это «созначение» (коннотация) черного, то есть, ассоциация с мрачным и даже со злым, характеризует не только русскую культуру, но и европейскую и даже неевропейские культуры. Например, по-турецки *kara* означает не только «земля», но и «черный, цвета земли». По переносу вполне обычно по-турецки употребить этот же эпитет в значении «тяжелый, мрачный»: напр., *kara düşünceler* «мрачные мысли», *kara gün* «черный день, тяжелые времена», *kara ağızlı* – буквально, «обладающий черным ртом» – имеет значение «клеветник». Вообще же по-турецки, как и в других тюркских языках, черным, то есть грустным и печальным, может стать практически все.

Созвучно это цветовым ассоциациям в европейских культурах, начиная с античности, особенно со словоупотребления в латыни. Так, и по-русски, и по-английски, и по-итальянски, и по-французски благодарность не имеет цвета, зато неблагодарность бывает черной (*black ingratitude, nera ingratitudine, noire ingratitude*). Поливая грязью, мы черним или очерняем и т. п.

По-немецки идут даже дальше, когда говорят о «черной» душе (*schwarze Seele*), о «черном» сердце (*schwarzes Herz*) и о «черном» поступке (*schwarze Tat*): по-русски в таких случаях чаще говорят о низкой душе, о злом сердце и о гнусном поступке. В европейских культурах, как и по-русски, «чернеют», когда погружаются в заботы.

Однако по-испански, по-итальянски и по-французски говорят о «черной судьбе» (*suerte negra, nero destino, noire destinée*), имея в виду горькую долю. А французским «черным предчувствиям» (*noirs pressentiments*) соответствуют все-таки русские тяжелые, а не черные предчувствия.

Возможно, в будущем мы по-русски будем еще говорить, как сегодня по-французски, о черном романе (*roman noir*) – романе ужасов, детективном романе – и о черном фильме (*film noir*) – фильме ужасов, детективном фильме.

Итак, в моральной области черный по-русски и во многих других языках значит одновременно и «плохой», и «злой», и «скорбный». В области ритуалов этот цвет символизирует нечто торжественное, не обязательно праздничное, но и не обязательно мрачное. В молодежной моде на протяжении последних 20 лет этот цвет, впрочем, не кажется столь же маркированным, как в 1970-1980-е годы.

Значительно меньше в русском языке представлена весьма распространенная в других языках и культурах ассоциация черного с незаконным и даже с прямым обманом. Русскому черному рынку находим соответствие и в тюркских языках (*kara borsa, kara pazar*), и в западноевропейских языках (ср. английское *black market*, немецкое *Schwarzmarkt*, французское *marché noir*). В словосочетании черные листовки эпитет *черный* связан скорее всего со значением «поддельный, незаконный», как в немецких *Schwarzhörer* «черный слушатель» (радиозаяц, владелец незарегистрированного радиоприемника), *Schwarzfahrer* «черный пассажир» («заяц», безбилетник), *Schwarzkäufer* «черный покупатель» (покупатель на черном рынке или из-под полы) и т. п. С этим оттенком в русском языке на протяжении последних веков о черном говорят все-таки значительно реже, чем с коннотацией «мрачный».

3. Наследие и наследство

Теперь речь пойдет о контрасте в употреблении исторических дублетов, в последнее время противопоставляемых в политическом смысле.

Сравнительно недавно стало традицией отмечать «День исторического и культурного наследия Москвы». В наш прагматичный век, когда право на собственность объявлено священным, разграничение слов *наследие* и *наследство* произошло не полностью, хотя и осознается носителями языка.

В академических словарях русского языка, в словарях синонимов и т. п. – везде указывается, что *наследие* и *наследство* – полные синонимы, то есть, взаимозаменяемы. Однако при внимательном настроении мы найдем довольно много контекстов, в которых: 1) эти слова различаются по значению и 2) употребляется одно слово, но не другое.

Случай первый. Бывает *спорное/законное* наследство, когда неясно, кто должен быть наследником, стал ли данный человек наследником по закону или в обход закона. Однако *спорное/законное* наследие – нечто другое: то, ценность чего сомнительна.

Наследие бывает *культурным, духовным, творческим, научным, литературным*, даже *лингвистическим*: это труды предшественников, каждый по-своему значимый и важный. Когда же говорят о *литературном, музыкальном и т. п. наследстве* (ср. название известной серии сборников «Литературное наследство»), имеется в виду неразобранное, нерасклассифицированное хозяйство, доставшееся от предыдущих поколений. Напр., допустимы словосочетания *лингвистическое, лексическое и культурное наследство* в значении «сокровища живого языка»: «Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже ис-

пользовать лингвистическое наследие и шире привлекать свежие факты живого языка» [Виноградов 1947]. А вот лингвистические труды, труды лингвистов-предшественников чаще называют наследием, а не наследством.

Нищенское наследие звучит привычно, однако *нищенское наследие* – вряд ли, разве что в значении «духовные идеалы нищеты». *Отказаться от наследства* – значит, отказаться от имущества; а *отказаться от наследия* – значит, отречься от идеалов, доставшихся от предыдущих поколений. Выражение *собственность на рукописное наследие* так же правильно, как и *собственность на рукописное наследие*. Однако скорее правильно сказать эпистолярное наследие, чем эпистолярное наследство.

Случай второй.

1. Можно говорить о наследии, но не о наследстве. Так, бывает *наследие прошлого*, но не *наследство прошлого*. *Престолонаследие* и *единонаследие* зафиксированы в наших словарях XVIII–XXI вв., ср.: «И в звездном, нескончаемом, родном он узнает наследье роковое» (Ф. Тютчев). Эти слова вряд ли можно перефразировать со словом *наследство*, не находим и **престолонаследство* и **единонаследство*.

2. Можно говорить о наследстве, но не о наследии. *Передавать* и *получать по наследству*, *достаться по наследству* – правильно, но нельзя сказать **передавать* или *получить по наследию*, **достаться по наследию*. *Входить в наследство*, *оставить наследство* и *высудить наследство* – нормально, но не **входить в наследие*, не **оставить наследие* и не **высудить наследие*. Зарегистрировано словосочетание война за испанское наследство – то есть, война за территории в Европе, а не за духовные ценности.

Наследство – что-то вроде кучи добра, не разложенного по полочкам. Предпосылкой для передачи наследства является физическая смерть предыдущего владельца. А для наследия смерть владельца не существенна: наследие (или то, чему приписывается этот высокий статус) делает бессмертным и само это достояние, и всех, кто когда-либо обладал или все еще обладает им.

Когда смысл «единиц хранения» прояснен, установлена их «духовная» ценность, мы имеем дело с наследием. Но *преумножать* можно и *наследие*, и *наследство*.

4. Заключение

Рассматривая семантические переходы с помощью понятия «трансфер знаний», подчеркивают то обстоятельство, что речь идет не просто о контекстно-обусловленном изменении значения слова (как предполагается в традиционной исторической семантике), но и о более широком явлении – изменении осведомленности человека о тех или иных предметах. Устранение непроходимой границы между понятиями «знание языка» и «знание мира» является одной из характерных черт современной когнитивной лингвистики. Эта черта делает исследование описанных выше явлений междисциплинарным, относящимся не только к исторической семантике языка, но и к путям расширения горизонтов знания человека, пользующегося языком для создания своих мыслей.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
Демьянков В. З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 17–29.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.

V. Z. Demyankov
(Moscow, Russia)

ON COGNITIVE TECHNIQUES OF KNOWLEDGE TRANSFER

Knowledge transfer lies behind non-literal use of linguistic expressions when things belonging to the sphere of immediate knowledge are used in the talk about what is not so close to immediate knowledge. Linguistic techniques of analyzing everyday meanings of words used in scientific or political discourses may be helpful for discovering the mechanisms of knowledge transfer.

Key words: non-literal use of language, cognitive linguistics, knowledge transfer, linguistic aspects of political sciences.

Н. Н. Болдырев
(Тамбов, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛАВНАЯ МИССИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ¹

Автор ставит проблему изучения феномена человеческого сознания как главной цели когнитивной науки и роли языка в структурировании сознания – как актуальной задачи когнитивной лингвистики. Обсуждаются направления и аспекты исследования данной проблемы, определяются языковые модели структурирования сознания.

Ключевые слова: когнитивная наука, когнитивная лингвистика, миссия, феномен человека, структура сознания, языковые модели.

Современные исследования в области гуманитарных и естественных наук характеризуются повышенным интересом к изучению роли человека в процессах познания мира, а также в получении, обработке, хранении и передаче полученных знаний (см.: [Арутюнова 1999; Демьянков 2015; Кубрякова 2004]). Решение всех этих вопросов непосредственно связано с пониманием законов и принципов организации и работы человеческого сознания, его инфраструктуры, внутренних и внешних взаимосвязей его составляющих, т. е. научным осмыслением феномена человека как «существа разумного». В этом заключается главная миссия всех гуманитарных наук, а также наук и научных направлений, возникающих на стыке гуманитарных и естественных междисциплинарных исследований, которые обычно относят к разряду когнитивных. Данная миссия определяет их дальнейшее развитие, задачи и перспективы планируемых исследований, пути решения поставленных проблем. Существенная роль при этом отводится когнитивной лингвистике, призванной решать проблемы взаимодействия когнитивных и языковых структур на основе исследования языка как когнитивной способности в его взаимосвязи с сознанием и с учетом различных проявлений его когнитивной функции (см. подробнее: [Болдырев 2008; 2009; 2013; 2015 и др.]).

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект №15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте» в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина.